

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.А.Школьник

город Санкт-Петербург

28 июня 2023 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки А.А.Школьник. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявительницей законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М.Казанцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части четвертой статьи 24 УПК Российской Федерации уголовное дело подлежит прекращению в случае прекращения уголовного преследования в отношении всех подозреваемых или обвиняемых, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 1 части первой статьи 27 данного Кодекса.

В силу пункта 5 части первой статьи 27 данного Кодекса уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается в связи с наличием в отношении него неотменного постановления органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

1.1. Гражданка А.А.Школьник обратилась в отдел полиции с сообщением о совершении в отношении нее преступления, предусмотренного частью первой статьи 115 УК Российской Федерации, указывая, что 10 февраля 2020 года в ходе произошедшего конфликта гражданка Б. нанесла ей несколько ударов. По результатам проверки данного сообщения неоднократно выносились постановления должностных лиц полиции об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Б. сначала ввиду отсутствия события преступления, а впоследствии – за отсутствием в деянии состава преступления, которые отменялись прокурором с направлением материала для организации дополнительной проверки и устранения недостатков, препятствующих вынесению законного и обоснованного решения. При этом, как указывает А.А.Школьник, последнее постановление от 21 января 2021 года об отказе в возбуждении уголовного дела ею не оспаривалось, поскольку о его вынесении ей стало известно лишь впоследствии. Постановлением мирового судьи судебного участка № 2 Санкт-Петербурга от 25 мая 2021 года, вынесенным по результатам

рассмотрения заявления А.А.Школьник о возбуждении уголовного дела частного обвинения по обвинению Б. в совершении того же преступления, уголовное дело и уголовное преследование прекращено на основании части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации, т.е. ввиду наличия необжалованного и неотмененного постановления от 21 января 2021 года об отказе в возбуждении уголовного дела. Данное постановление мирового судьи оставлено без изменений судами вышестоящих инстанций. Судья Верховного Суда Российской Федерации дополнительно указал, что его пересмотру и возобновлению уголовного преследования Б. препятствует также то, что с момента вступления в силу постановления мирового судьи прошло более года (постановление от 22 сентября 2022 года).

26 июля 2021 года (т.е. после вынесения постановления мирового судьи) заместителем прокурора в порядке прокурорского надзора отменено постановление от 21 января 2021 года. В мировой суд с новым заявлением А.А.Школьник не обращалась.

12 апреля 2023 года, т.е. после принятия Конституционным Судом Российской Федерации к производству жалобы А.А.Школьник, постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации отменено постановлением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, кассационная жалоба А.А.Школьник передана для рассмотрения другому судье этого суда.

21 апреля 2023 года постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации заявительнице вновь отказано в передаче ее кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. При этом отмечено, что мировой судья не учел правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и необоснованно прекратил уголовное дело и уголовное преследование, несмотря на отсутствие препятствий для рассмотрения уголовного дела по существу. Вместе с тем указано, что обжалованные частным обвинителем судебные решения не могут быть пересмотрены в

кассационном порядке по основаниям, влекущим ухудшение положения Б., в отношении которой уголовное дело прекращено, в связи с истечением на момент рассмотрения жалобы срока, предусмотренного частью первой статьи 401⁶ УПК Российской Федерации.

1.2. По мнению заявительницы, часть четвертая статьи 24 и пункт 5 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации в системе действующего правового регулирования противоречат принципу правовой определенности, лишают частного обвинителя возможности получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и не соответствуют статьям 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 52 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой их действие распространяется на прекращение судом уголовного дела и уголовного преследования по делам частного обвинения.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются часть четвертая статьи 24 и пункт 5 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса о прекращении судом уголовного дела частного обвинения при наличии неотменного постановления органа предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении того же лица по тому же обвинению.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому государственную, в том числе судебную, защиту его прав и свобод, обязывая государство обеспечивать потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52).

Обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде, вытекает также из

положений статьи 21 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которым достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Применительно к личности потерпевшего это конституционное предписание предполагает прежде всего обязанность государства как предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, так и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П).

2.1. Законодатель – исходя из характера преступления, его общественной опасности, сочетания затрагиваемых преступлением общественных и индивидуальных интересов, а также в целях более полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина в соответствии со статьями 18 и 21 Конституции Российской Федерации, в том числе для предотвращения нежелательных для лица, пострадавшего от преступления, последствий его участия в уголовном процессе, – вправе дифференцировать порядок производства по различным категориям уголовных дел, допуская включение в него элементов диспозитивности, которая предполагает учет волеизъявления лица, пострадавшего от преступления, вплоть до придания ему определяющего значения при принятии ряда ключевых процессуальных решений.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, предусмотрев возможность осуществления производства по уголовным делам в порядке публичного, частно-публичного и частного обвинения, установил, что дела частного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего (его законного представителя), а если потерпевший находится в зависимом или беспомощном состоянии либо

по иным причинам не способен самостоятельно защищать свои права и законные интересы – по решению следователя или – с согласия прокурора – дознавателя; в случае примирения потерпевшего с обвиняемым такие дела подлежат прекращению (статья 20, части первая и третья статьи 318). Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, устанавливая эти правила, законодатель исходил из того, что указанные в части второй статьи 20 данного Кодекса преступления относятся к числу тех, которые не представляют значительной общественной опасности и раскрытие которых, по общему правилу, не вызывает трудностей, в связи с чем потерпевший сам может осуществлять в порядке частного обвинения уголовное преследование лица, совершившего в отношении него соответствующее посягательство. Такие преступления совершаются обычно на почве конфликтов межличностного характера в основном в сфере внутрисемейных отношений, в общении между соседями и сослуживцами, предполагают необходимость учета субъективного восприятия потерпевшим совершенного в отношении него деяния. При этом выдвижение обвинения и поддержание его в суде являются не обязанностью, а правом потерпевшего (статья 22 и часть третья статьи 246 данного Кодекса) (постановления от 27 июня 2005 года № 7-П и от 17 октября 2011 года № 22-П; определения от 17 сентября 2013 года № 1336-О, от 26 апреля 2016 года № 726-О и др.).

Диспозитивность в уголовном судопроизводстве применительно к делам частного обвинения выступает, таким образом, в качестве дополнительной гарантии прав и законных интересов потерпевших и как таковая не может приводить к их ограничению. Ее использование в законодательном регулировании производства по делам этой категории не отменяет обязанность государства защищать от преступных посягательств права и свободы человека и гражданина как высшую ценность и обеспечивать установление такого правопорядка, который бы гарантировал каждому государственную, в том числе судебную, защиту

его прав и свобод, а каждому потерпевшему от преступления – доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 1, часть 1; статья 2; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52 Конституции Российской Федерации) (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П).

3. Дела частного обвинения – к числу которых отнесены уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 115, частью первой статьи 116¹ и частью первой статьи 128¹ УК Российской Федерации, – по общему правилу, возбуждаются в отношении конкретного лица не иначе как путем подачи потерпевшим, его законным представителем заявления в суд. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, заявление в отношении конкретного лица, которое подается потерпевшим или его законным представителем в суд (за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 части первой и частью четвертой статьи 147 УПК Российской Федерации), не только признается поводом к возбуждению уголовного дела, но и рассматривается, по сути, в качестве обвинительного акта, в рамках которого осуществляется уголовное преследование (Постановление от 15 октября 2018 года № 36-П).

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в порядке, предусмотренном данным Кодексом (часть вторая статьи 8, пункт 1 части первой статьи 29), и только суд может установить обоснованность обвинения и принять решение о виновности подсудимого посредством обвинительного приговора (пункт 28 статьи 5). Именно в этом случае, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Постановлении от 17 октября 2011 года № 22-П, предъявленное, в том числе частным обвинителем, обвинение трансформируется в

государственное осуждение, на основе которого может назначаться мера государственного принуждения или применяться освобождение от нее.

Вместе с тем нередко лица, потерпевшие от таких преступлений, за защитой своих прав первоначально обращаются в органы внутренних дел. Органы внутренних дел, к числу основных задач которых относится оказание помощи гражданам, пострадавшим от преступлений, наделенные Федеральным законом от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации соответствующими полномочиями, а также обладающие специальными средствами и навыками раскрытия преступлений, обязаны в каждом случае поступления заявления о преступлении принять его, зарегистрировать, провести проверку в порядке статей 144 и 145 УПК Российской Федерации и принять по нему в пределах установленной компетенции решение. Иное означало бы самоустранение государства от защиты прав граждан, потерпевших от преступлений.

В силу части первой статьи 145 УПК Российской Федерации по результатам рассмотрения сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа принимает решение о возбуждении уголовного дела в порядке, установленном статьей 146 данного Кодекса, либо об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о передаче сообщения по подследственности в соответствии со статьей 151 данного Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 20 данного Кодекса.

4. Вопрос о проверке конституционности пункта 5 части первой статьи 27 в системной связи с пунктом 1 статьи 254 УПК Российской Федерации применительно к возможности суда принимать решение о прекращении уголовного дела частного обвинения в связи с наличием ранее вынесенного и неотмененного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела уже ставился перед Конституционным Судом Российской Федерации.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 29 марта 2016 года № 706-О, по смыслу взаимосвязанных положений части четвертой статьи 20, части первой статьи 145 и части третьей статьи 318 УПК Российской Федерации руководитель следственного органа, следователь, а также дознаватель по уголовным делам частного обвинения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении вправе либо принять решение о возбуждении уголовного дела в защиту прав потерпевшего, когда данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния или по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, либо, констатировав способность потерпевшего защищать свои права и законные интересы самостоятельно или с помощью своего представителя, передать это сообщение мировому судье.

Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации исходил из того, что в соответствии с частью второй статьи 20 УПК Российской Федерации названные должностные лица не уполномочены разрешать вопрос об отсутствии в содеянном состава преступления, преследуемого в порядке частного обвинения (кроме случая, предусмотренного частью четвертой той же статьи), и, соответственно, вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения по данному основанию. В этой стадии подлежит разрешению лишь вопрос о наличии признаков преступления, а потому такое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должно расцениваться как вынесенное за пределами компетенции названных должностных лиц, умаляющее гарантии защиты прав потерпевшего, не имеющее юридической силы с момента его вынесения и подлежащее обязательной отмене.

В связи с этим в названном Определении Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что пункт 5 части первой статьи 27 и пункт 1 статьи 254 УПК Российской Федерации сами по себе не нарушают конституционные права, включая право на судебную защиту.

5. Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к применению оспариваемых законоположений и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. В одних случаях суды исходят из смысла положений статей 24 и 27 УПК Российской Федерации, опираясь на правовую позицию, выраженную в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 706-О, порой прямо ссылаясь на него. В других же случаях, в том числе и в деле заявительницы, суды принимают прямо противоположные решения, руководствуясь иным пониманием данных норм, полагая, что они не содержат каких-либо оговорок о невозможности их применения в уголовных делах частного обвинения, вследствие чего такие дела прекращаются ввиду наличия неотмененного постановления органа предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении того же лица по тому же обвинению.

Поскольку имеет место противоречивая судебная практика, во избежание неравенства перед законом и судом необходимо – принимая во внимание статьи 19 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации – прибегнуть к конституционно-правовому истолкованию системы норм, составляющих предмет рассмотрения по настоящему делу, презюмируя, что воля законодателя основывается на конституционно гарантированном праве потерпевших от преступлений на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, а также праве на судебную защиту.

Устанавливая порядок уголовного судопроизводства по делам частного обвинения, федеральный законодатель наделил потерпевшего правом самостоятельно осуществлять уголовное преследование – обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях (по делам частного-публичного и публичного обвинения)

процессуальные стадии досудебного производства (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П и от 17 октября 2011 года № 22-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2013 года № 1336-О и от 23 октября 2014 года № 2534-О).

Если потерпевший способен защищать свои права и законные интересы самостоятельно или с помощью законного представителя либо представителя, то рассмотрение заявления о совершении в отношении него преступления относится к исключительной компетенции мирового судьи. Так, в соответствии со статьей 318 УПК Российской Федерации уголовные дела о преступлениях, указанных в части второй статьи 20 данного Кодекса, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд, за исключением случая, предусмотренного пунктом 2 части первой статьи 147 данного Кодекса (часть первая); такое заявление должно наряду с прочим содержать описание события преступления, места, времени, обстоятельств его совершения, данные о потерпевшем, а также о документах, удостоверяющих его личность, и данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности (пункты 2, 3¹ и 4 части пятой).

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации также устанавливает, что мировой судья отказывает в принятии заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения к своему производству лишь в случаях, если заявление подано в отношении лица, данные о котором потерпевшему не известны (часть вторая статьи 147), не отвечает требованиям пункта 4 части пятой статьи 318 данного Кодекса или же подано в отношении лица, указанного в пункте 2 части первой его статьи 147 (часть первая¹ и первая² статьи 319). Соответственно, по смыслу взаимосвязанных положений статей 147, 318 и 319 данного Кодекса, если заявление соответствует требованиям частей первой, пятой и шестой его статьи 318, судья обязан принять заявление к своему производству, о чем

выносятся постановление, а лицо, его подавшее, с этого момента является частным обвинителем; если после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, то мировой судья разрешает вопрос об обязательности участия в деле законного представителя потерпевшего и прокурора (части седьмая и восьмая статьи 318 данного Кодекса).

Тем самым право гражданина обращаться в установленном порядке за защитой своих нарушенных прав с заявлением о совершенном в его отношении преступлении частного обвинения в суд и, соответственно, обязанность мирового судьи рассмотреть его заявление не может ставиться в зависимость от принятия должностными лицами органов дознания и предварительного следствия решения об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения по тому же обвинению в отношении того же лица ввиду отсутствия в деянии признаков соответствующего преступления.

Иное истолкование части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации приводило бы к нарушению права потерпевшего на судебную защиту, на доступ к правосудию потерпевших от преступлений, возлагало бы на них избыточное обременение по устранению препятствий для обращения в суд путем оспаривания неправомерного отказа органа предварительного расследования в возбуждении дела, блокировало бы возможность осуществления судом функции правосудия, ограничивая деятельность суда действиями и решениями органов исполнительной власти, и вступало бы в противоречие с требованиями статей 10, 19 (часть 1), 46 (часть 1), 52, 55 (часть 3), 118 (часть 1) и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, часть четвертая статьи 24 и пункт 5 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку они по своему конституционно-

правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагают прекращения судом уголовного дела и уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого по делам частного обвинения при наличии неотмененного постановления органа предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении того же лица по тому же обвинению.

6. Поскольку в деле А.А.Школьник сроки давности уголовного преследования за преступление, предусмотренное частью первой статьи 115 УК Российской Федерации, в связи с заявлением о возбуждении уголовного дела частного обвинения, по которому она обращалась в суд, истекли, Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу об отсутствии оснований для пересмотра судебных решений по ее делу, основанных на положениях части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации.

В то же время согласно части четвертой статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», если пересмотр дела исходя из особенностей соответствующих правоотношений не может привести к восстановлению прав заявителя, Конституционный Суд Российской Федерации вправе указать на необходимость применения к заявителю компенсаторных механизмов; форма и размер компенсации определяются судом, рассмотревшим в первой инстанции конкретное дело с участием заявителя, в котором применены оспоренные в Конституционном Суде Российской Федерации законоположения. Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что А.А.Школьник – как лицо, инициировавшее вопрос о проверке норм, конституционно-правовой смысл которых выявлен Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, – имеет право на применение в отношении нее компенсаторных механизмов, чьи форма и размер определяются судом, рассмотревшим в первой инстанции ее дело, в котором эти нормы применены.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть четвертую статьи 24 и пункт 5 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не предполагают прекращения судом уголовного дела и уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого по делам частного обвинения при наличии неотмененного постановления органа предварительного расследования об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении того же лица по тому же обвинению.

2. Конституционно-правовой смысл части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

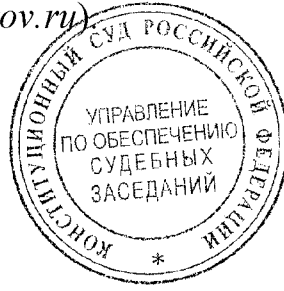
3. Гражданка Школьник Анна Андреевна имеет право на применение в отношении нее компенсаторных механизмов, чьи форма и размер определяются мировым судьей судебного участка № 2 Санкт-Петербурга, рассмотревшим в первой инстанции конкретное дело заявительницы, в котором применены оспоренные в Конституционном Суде Российской Федерации законоположения.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)

№ 36-П

Конституционный Суд
Российской Федерации